

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья
УДК 811.112.2'282.4'42
doi: 10.17223/19996195/57/1

ВЫСКАЗЫВАНИЯ О ЯЗЫКЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ МЕТАЯЗЫКОВОГО ДИСКУРСА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

Олег Анатольевич Александров

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, olegaleksandrov79@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается язык российских немцев – субэтноса, охваченного процессами лингвокультурного сдвига. Анализируемый корпус текстов собран в Томской области посредством полевой работы с носителями немецких диалектов, большинство из которых являются людьми пожилого или старческого возраста. Работа выполнена в русле перцептуальной диалектологии – лингвистического направления, объединяющего достижения традиционной диалектологии и «наивной» лингвистики. В ней также реализованы подходы дискурсивной и прагматической лингвистики. В фокусе исследования находится система метаязыковых представлений российских немцев, отраженных в текстах импровизированной природы – в метаязыковых высказываниях. Проведенный анализ позволяет не только выявить особенности осмысления российскими немцами языковой действительности, но и типологизировать метаязыковой дискурс рассматриваемой лингвокультуры. Типология выстраивается с опорой на прагматические и информационно-смысловые структуры текста. В первом случае определяется типичная коммуникативная направленность метаязыковых высказываний, во втором – стереотипная семантическая логика этих текстов, реализующаяся как регулярная тематическая объективация определенных явлений и свойств языковой действительности. Установлено, что наиболее типичная коммуникативная интенция говорящего в ходе экспликации метаязыковой рефлексии состоит в информировании собеседника о тех или иных фактах языкового свойства. Реализуя коммуникативную стратегию информирующего типа, говорящий ориентирован на приобретение его собеседником идентичных знаний о мире, усвоение общих представлений об имеющемся положении вещей. В качестве основной тактики, которая определяет палитру и комбинаторику речевых действий информирующего метаязыкового высказывания, выступает описание. В метаязыковых высказываниях, реализующих коммуникативную стратегию информирования и тактику описания, отражаются представления немецких диалектоносителей о языковых образованиях, которые составляют собственную компетенцию или относятся к числу контактируемых. Рефлексия, выражаемая рассматриваемым типом диалектной речи, также распространяется на отдельные явления языковых систем – слово и текст. Описание языков и языковых вариантов, слов, текстов реализуется через констатацию территориальных и социальных границ функционирования данных объектов рефлексии, типичных ситуативных условий использования, временных рамок бытования, соотносительности с письменной или устной формой общения. Таким образом, в экспликации ме-

таязыкового сознания обсуждаемого типа находит отражение вариативность языка и существование пределов распространения языковых вариантов. Работа вносит вклад в изучение немецкой народно-разговорной речи. Она также носит эколингвистический характер, расширяет понимание когнитивных процессов, лежащих в основе обыденной метаязыковой рефлексии.

Ключевые слова: немецкая диалектология, перцептуальное направление, российские немцы, обыденное метаязыковое сознание и его объективация

Для цитирования: Александров О.А. Высказывания о языке как разновидность метаязыкового дискурса российских немцев // *Язык и культура*. 2022. № 57. С. 8–29. doi: 10.17223/19996195/57/1

LINGUISTICS

Original article

doi: 10.17223/19996195/57/1

STATEMENTS ABOUT LANGUAGE AS A VARIETY OF METALANGUAGE DISCOURSE OF THE RUSSIAN GERMANS

Oleg A. Aleksandrov

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia,
olegaleksandrov79@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the language of the Russian Germans – a sub-ethnos covered by the processes of linguocultural shift. The corpus of analyzed texts was collected in Tomsk region through field work with native speakers of German dialects, most of whom are elderly or senior people. The work was carried out in line with perceptual dialectology, a linguistic direction that combines the achievements of traditional dialectology and “naive” linguistics. It also implements the approaches of discursive and pragmatic linguistics. The focus of the study is the system of metalanguage representations of the Russian Germans’ reflected in texts of an improvised nature – in metalanguage statements. The analysis carried out allows not only to find out the features of Russian Germans’ understanding of language reality, but also to typologize the metalanguage discourse of the linguistic culture under consideration. The typology is built based on the pragmatic and information-semantic structures of the text. In the first case, the typical communicative orientation of metalanguage statements is determined, in the second, the stereotypical semantic logic of these texts, which is realized as a regular thematic objectification of certain phenomena and properties of language reality. As a result of the study, it has been established that the most typical communicative intention of the speaker in the course of the explication of metalanguage reflection is to inform the interlocutor about certain facts of the language nature. Implementing a communicative strategy of an informing type, the speaker focuses on acquiring identical knowledge about the world by his interlocutor, mastering general ideas about the current state of affairs. Description is the main tactic that determines the palette and combinatorics of speech actions of an informing metalanguage statement. The metalanguage statements that implement the communicative strategy of informing and the tactics of description reflect the ideas of German

dialect speakers about language formations that constitute their own competence or are among those who are contacted. The reflection expressed by the considered type of dialect speech also extends to individual phenomena of language systems – the word and the text. The description of languages and language variants, words, texts is realized through a statement of the territorial and social boundaries of the functioning of these objects of reflection, typical situational conditions of usage, time frames of existence, correlation with written or oral form of communication. Thus, the explication of the metalanguage consciousness of the type under discussion reflects the variability of language and the existence of limits to the spread of language variants. The work contributes to the study of German colloquial speech, is of an ecolinguistic nature, and expands the understanding of the cognitive processes that underlie ordinary metalanguage reflection.

Keywords: German dialectology, perceptual direction, the Russian Germans, ordinary metalanguage consciousness and its objectification

For citation: Aleksandrov O.A. Statements about language as a variety of metalanguage discourse of the Russian Germans. *Language and Culture*. 2022;57: 8-29. doi: 10.17223/19996195/57/1

Введение

Этнические немцы, населяющие территорию России, подвергаются активному ассимилятивному процессу и «сдвигаются» в сторону русскоязычного большинства. На данный момент наблюдается стремительно разворачивающееся разрушение единственной в своем роде лингвокультуры, которая за 250 лет анклавного существования выкристаллизовалась в конгломерат уникальных архаичных и новоприобретенных черт (см. об этом подробнее: [1–3]). В силу этой уникальности диалекты российских немцев были и остаются притягательным объектом научного описания.

В наши дни немецкие диалекты рассматриваются в перспективе когнитивной и культурологической лингвистики [4–9], лингвоперсонологии [10], корпусного [11] и гендерного направлений языкознания [12], а также с позиции других развивающихся отраслей науки о языке. Хотя внимание современных диалектологов все больше привлекают аспекты языка российских немцев, которые выводят на новые, до этого не затрагиваемые уровни языкового функционирования, разработанность системно-структурных особенностей по-прежнему превалирует в отечественной немецкой диалектологии (см. обзоры исследований языка российских немцев в [8, 13]). В свете актуальных тенденций языкознания и обозначенной аспектуальной диспропорции особый научный интерес представляет семантика немецкого диалектного текста, выраженные в нем культурно-специфичные представления о мире.

В масштабах общемировой диалектологии ученые призывают к смене приоритетов – к переходу от «диалектологии диалекта» к «диалектологии говорящего на нем» [14. S. 42]. Этот методологический

сдвиг становится возможным за счет реализации новых подходов, в том числе за счет объективации в научных описаниях обыденных метаязыковых представлений носителей диалектов.

Первые результаты этого подхода, сфокусированного на содержательном, функциональном и организационном аспектах «субъективных» данных о территориальных формах языка, послужили основой для формирования нового направления – *перцептуальной диалектологии*, которая активно разрабатывается на материале немецких диалектов, бытующих в Европе [15–18]. Представители перцептуальной диалектологии комбинируют в своих исследованиях аспекты описательной, системно-структурной и ареальной лингвистики с методами «народной лингвистики» и обращаются к тому, «что обычные люди думают относительно дистрибуции языковых вариаций в своем языковом сообществе, а также и в других сообществах, как простые люди относятся к диалектам» [19. С. 38]. Проблематика, осваиваемая в перцептуальной диалектологии, важна для решения таких общетеоретических задач, как понимание механизмов категоризации человеком окружающей действительности, процессов языковой и этнической самоидентификации, тенденций развития языка и его отдельных форм: «Диалектология восприятия является новой тенденцией в науке о диалектах, и, хотя самостоятельность данного направления оспаривается, несомненно, что оно вносит большой вклад в теоретическую базу и развитие как традиционной, так и социальной диалектологии» [20. С. 90].

В исследованиях отечественных лингвистов также рассматриваются вопросы бытовой интерпретации языка на базе лингвокультур разного типа, в том числе социально ограниченных [21–25], однако они сфокусированы преимущественно на изучении представителей русского этноса. Изыскания метаязыковой рефлексии традиционных, самобытных и территориально маркированных общностей, не представляющих титульную нацию России, остаются на данный момент единичными.

Отвечая на потребности современной диалектологической науки и восполняя ее пробелы, далее в работе мы излагаем впервые результаты исследования, цель которого состоит в типологизации диалектных высказываний российских немцев о языке и в обнаружении салиентных для данной лингвокультуры явлений языковой действительности.

Материал исследования

Фактологическая основа настоящего исследования формировалась в Томской области посредством самостоятельных полевых практик автора статьи. Полевые работы проводились с 2005 по 2016 г. Значительная доля аудио- и видеозаписей, которые вошли в практическую базу исследования, выложена в сеть Интернет и доступна для общего

пользования на сайте Томского областного Российско-немецкого дома (<https://www.tomdeutsche.ru/dialects/>).

Всего были опрошены 123 жителя обсуждаемого субъекта РФ, которые владеют территориальными формами немецкого языка как в пассивной, так и в активной форме. Подавляющая часть информантов – это люди пожилого и старческого возраста. Для них характерны социально-демографические показатели жителей, ведущих традиционный сельский уклад жизни, – профессиональная вовлеченность в соответствующие отрасли хозяйства, невысокий уровень образования, низкая мобильность, религиозность и т.п. Большинство из них являются непосредственными переселенцами с Поволжья или родились в Сибири в семьях выходцев из бывшей АССР немцев Поволжья. Опрошенные диалектоносители наряду с родными формами языка свободно владеют русским языком, часть из них также обладает компетенцией литературной (общепринятой) формы немецкого языка.

Использованный в ходе полевых практик тип интервью можно обозначить как частично структурированный (см. трактовку термина: [26. С. 12]). При работе с информантом мы опирались на заранее подготовленный нами вопросник (структурированное интервью), составленный таким образом, чтобы мотивировать собеседника к экспликации метаязыкового сознания (МЯС). И все же общение информанта с лингвистом регулярно отклонялось от запланированного сценария и перетекало в неформальную беседу (малоструктурированное интервью), тематику которой по большей части определял сам диалектоноситель. Круг тем таких бесед носил преимущественно автобиографический характер, а основным жанром воспроизводимых информантом текстов являлось воспоминание. Тем не менее благодаря вопроснику выдерживалась «языковая линия» интервью, и сама ситуация общения информанта со сторонним человеком, проявляющим интерес к его языку и речи, способствовала активизации метаязыковой рефлексии.

Таким образом, сбор материала в Томской области, осуществленный с помощью частично структурированного интервью, схож с методикой нарративного интервью: опрашиваемые диалектоносители охотно выступали в роли рассказчиков, в повествованиях которых их наивные языковые знания тесно переплетались с автобиографическими данными. На такое свойство бытового метаязыкового дискурса, как насыщенность данными неязыкового характера, указывают многие исследователи: «...наиболее близким к метатексту является текстовый жанр “воспоминания о прошлом”» [21. С. 65], «граница между представлениями о мире и метаязыковыми представлениями иногда оказывается зыбкой» [27. С. 39], «суждения о языке» часто тесно переплетаются с суждениями «о жизни» [27. С. 41].

Методология исследования

В качестве ключевого понятия предлагаемой работы выступает МЯС, находящееся в подчинительных отношениях с языковым сознанием, – «МЯС существует в рамках языкового сознания как его составляющая» [21. С. 45]. Оно выполняет интерпретационную функцию, т.е. направлено на «отражение языка-объекта как элемента действительного мира» [21. С. 45], и обладает аккумулятивными свойствами, так как представляет собой «совокупность знаний, представлений, суждений о языке» [21. С. 45].

Специалисты отмечают, что МЯС как когнитивный феномен характеризуется многоуровневой структурой, а формы речевой реализации этой сущности демонстрируют значительную вариативность: «Многоаспектность функционирования метаязыкового сознания предполагает наличие разных параметров обнаружения и описания форм его проявленности, диапазон которых очень широк: от “молчаливой рефлексии”... до теоретической рефлексии профессиональных лингвистов-теоретиков» [28. С. 12].

Сформированный нами в ходе полевых работ корпус речевых явлений также представляет собой неоднородный материал в плане структурной организации, формальных особенностей и степени выраженности метаязыковой рефлексии. В нем обнаруживаются речевые конструкты, которые позволяют наблюдать как акты метаязыковой рефлексии явного порядка, так и данные, образованные процессами имплицитного характера, при которых язык в качестве объекта осмысления занимает по большей части периферию «светлого поля» сознания.

Основу же собранного корпуса составили такие проявления МЯС, которые репрезентируют его «явленные акты» [21. С. 167]. Это значит, что они имеют форму комментариев, т.е. речевых суждений, образованных логико-рациональными принципами познания мира и изложения информации о нем. Эти проявления МЯС характеризуются в той или иной степени развернутой структурой, в которых выраженные акты осмысления занимают по отношению к объекту отчетливую позицию – они надстраиваются над ним, осуществляя «перевод семиотических смыслов из одной знаковой системы, принимаемой за первичную... в другую – в систему толкований и интерпретаций» [29. С. 13]. Отталкиваясь от высказывания Р.О. Якобсона о том, что «способность говорить на каком-то языке подразумевает также способность говорить об этом языке» [30. С. 17], подобные показания МЯС можно обозначить как непосредственное говорение о языке. Именно такие формы экспликации МЯС, именуемые в работе *метаязыковыми высказываниями*, *метаязыковыми комментариями*, анализируются далее.

Типологизация метаязыковых высказываний осуществляется в прагматическом аспекте, что обуславливает использование в настоящем исследовании таких понятий, как *коммуникативная стратегия* и *коммуникативная тактика*. Опираясь на работу А.П. Сковородникова, коммуникативную стратегию мы понимаем как общий вектор речевого поведения, который определяет выбор в пользу тех или иных речевых действий, последовательность их актуализации, интенсивность использования, комбинаторику применения. Тактика – это и есть речевое действие или комплекс действий, соответствующих заданной линии речевого поведения и направленных на решение частных задач отдельных этапов реализуемой коммуникативной стратегии [31. С. 246–247].

Исследование и результаты

Анализ собранного корпуса диалектного дискурса показал, что комментирование фактов языка осуществляется российскими немцами с использованием определенных коммуникативных стратегий и тактик. В ходе общения исследователя с диалектоносителем метаязыковая рефлексия последнего была во многом мотивирована желанием информировать собеседника о состоянии родного языка, о его структурных и функциональных особенностях, сообщить о тенденциях развития социально-коммуникативной системы, участниками которой они являются. Коммуникативную стратегию, которая направлена на информирование собеседника о том или ином объекте посредством выделения существенных признаков данного объекта, мы обозначаем как *информирующая стратегия*. Информированная стратегия метаязыкового высказывания нацелена на сообщение сведений об обсуждаемом языковом феномене. Интенция данного типа коммуникативного поведения состоит в том, чтобы собеседник говорящего приобрел идентичные знания о мире, разделит с ним представления об имеющемся положении вещей.

Перлокутивный эффект информирующей стратегии достигается путем применения ряда речевых тактик, одна из которых состоит в описании осмысляемого фрагмента языковой действительности. В анализируемом эмпирическом корпусе обнаруживается значительная доля текстов, реализующих описывающую тактику информирующей стратегии. Метаязыковое описывающее информирование, осуществляемое немецкими диалектоносителями, складывается как комплекс речевых действий, которые придают суггестируемым языковым образам ярко выраженный предметно-чувственный характер. Они апеллируют в большей степени к миру объективному, реально существующему, чем к миру субъективному, психологическому, и призваны создать у собеседника действительное (имеющие место быть) представление о том или ином объекте осознаваемой языковой действительности. Диалект-

ные тексты, направленные на формирование у партнера по коммуникации когнитивных моделей языковых явлений, аккумулируют в собственной семантической структуре наиболее салиентные для их продуцентов характеристики осмысляемых явлений. В этих характеристиках отражается дистрибуция языка в соответствии с разными формами его существования. Рассмотрим каждую из них.

Язык и пространство. Особенно восприимчивым МЯС информантов оказывается к пространственным границам бытования языков. Именно признаки диатопической «плоскости» измерения языковой вариативности наиболее часто обнаруживаются в метаязыковых высказываниях, реализующих тактику описания.

Объективируемый в метаязыковых высказываниях масштаб пространственных свойств осмысляемых языковых объектов изменчив. Родные диалекты чаще моделируются в относительно узких пространственных категориях: бывшая АССР немцев Поволжья, отдельный населенный пункт (город или деревня), отдельный район населенного пункта, улица или даже дом, где проживает/проживал информант (см. примеры 1, 2). Немецкий литературный язык моделируется в более широких пространственных категориях: он мыслится как язык городов, язык Германии или язык, распространенный за границей (см. пример 3).

(1) *Des is unser Spraach. So mir ware uf Wolga gespoche. Das is die Spraach von unser Land in Поволжье.*

(2) *In Remler werd so gespoche. Mir aus Remler spreche in diese Art. Das sinn unsere Weter.*

(3) *Германский werd jou in der Stadt gespouche, net im Dorf, in Grossstadt die plaudere sou. Und in Daitschland, конечно, des is die Spraach von Daitschland.*

Описательные образы русского языка реже, чем немецкого, воссоздаются пространственными категориями. Информанты отмечают существование русской просторечной, локальной лексики и описывают их как «деревенскую», «местную» в противовес «городской», т.е. литературной. В целом же анализ метаязыковых высказываний показывает, что русский язык преимущественно воспринимается как очень протяженное в пространственном отношении явление, и потому объективированная в данных высказываниях степень дискретности русского языка гораздо ниже, чем немецкого языка (см. примеры 4, 5).

(4) *Ich denk, все равно, кто ты, Deitsch, Kasach или Russ, или еще кто там. Mir lewe alle in Russland, Russland is unser haam. Und sell mir plauder alle Ruschisch. А как иначе?*

(5) *Ну, «шкандыбать» – это уже ruschich Word. He-e, net deitsch! Ну так mir деревенские sach es.*

Наиболее частотными лексическими средствами реализации тактики описания по отношению к пространственным свойствам осмысляемых языковых объектов являются:

– наречия места: *hier/here* (рус. здесь), *sell* (рус. там), *da, dort/dorde* (рус.: там) и др.;

– топонимы: *Marx, Engels, Boregard, Krasnij Jaar, Lindennau, Mannheim, Neidorf, Remler* и др.;

– лексика, обозначающая городскую или сельскую среду: *Stadt-* (рус. городской), *städtisch* (рус. городской), *Dorf-* (рус. деревенский), *derflich* (рус. деревенский) и др.;

– средства, выражающие семантическую категорию «свой – чужой»: *ba uns* (рус. у нас), *ba tere* (рус. у них), *in unser Dorf* (рус. в нашей деревне), *ba uns here* (рус. у нас здесь) и др.

Следует отметить, что эксплицированные в метаязыковых высказываниях представления о пространственных особенностях осмысляемых языковых объектов вариативны и эта вариативность во многом обусловлена социально-лингвистическими свойствами авторов высказываний: их личным опытом взаимодействия с отдельными идиомами, уровнем языковой компетенции, приобретенным образованием, вовлеченностью в определенные типы дискурса и т.д.

Относительно диатопических характеристик можно отметить: информанты, мало знакомые с актуальной языковой ситуацией Германии (никогда не были в Германии, не имеют там близких родственников и т.п.), достаточно стабильно интерпретируют ее как территорию функционирования исключительно немецкого литературного языка. Это государство противопоставляется России, в которой, как им представляется, в отличие от Германии, бытуют не только литературные, но еще и диалектные формы существования немецкого языка. Опрошенные немцы, лучше осведомленные об особенностях современной германской культуры, гораздо реже реализуют подобное противопоставление на концепируемой ими лингвогеографической карте этих стран.

Язык и социум. Информирование о языковом явлении нередко осуществляется немецкими диалектоносителями посредством описания тех социальных границ, в которых это явление существует. Так, через описывающие речевые действия в текстах воссоздаются образы пользователей обсуждаемого языка или конкретного языкового явления. Это может быть образ целого языкового коллектива или же отдельной семьи и даже одного человека как наиболее яркого представителя той или иной осознаваемой группы людей, объединенной по языковому признаку. В качестве наиболее салиентных представителей собственно языкового коллектива, т.е. в качестве «образцового» носителя той разновидности диалекта, которой владеет и сам информант, часто воспринимаются собственные родители, дедушки и бабушки. Последние в

силу того исторического контекста, в котором прошла их жизнь, как правило, остались монолингвальными, и потому их диалектная компетенция расценивается информантами как более лучшая, нормативная, чем собственная (см. пример 6).

(6) *Ich hen sou viel verge[z]e, verge[z]e. Ich kann net mehr gut plaudere. Mai Vader is doch gestorbe. Ja, sievenachtzig gestorbe. Bom, der hat arch schein Deitsch, Er hat kenn gut plaudere.*

В метаязыковых высказываниях описываемого типа нередко отражаются действительные, т.е. соответствующие реальному положению дел, социальные свойства осмысляемых информантами идиомов, например, ими указывается на низкий актуальный демографический статус родных форм существования языка по сравнению с аналогичным статусом контактирующих языков. Также упоминаются периоды «пиковой» демографической мощности родных диалектов, имевшие место в прошлом (см. пример 7).

(7) *Bom, я тебя спrouw, wer sprecht haite Deitsch? Alle unser Laid sinn wech in Deitschland, oder sin gestourbe. Mir sin schon ald, nur alde Lait kenn was saache. Friher des wor onners. Domols mir hun viel gesprouche, ja sehr viel!*

Обыденная сегрегация языковых образований в диастратическом континууме языковой вариативности обычно осуществляется по таким признакам, как национальность («язык русских», «язык немцев», «язык казахов» и т.п.), уровень образования («язык образованных людей», «язык необразованных людей»), тип населенного пункта («язык городских жителей», «язык сельского населения»), конфессионально-вероисповедная принадлежность («язык православных», «язык католиков», «язык лютеран», «язык меннонитов» и т.п.), типичная территория проживания («язык людей, проживающих в Германии», «язык людей, проживающих за границей» и т.п.), возраст («язык молодых людей», «язык пожилых людей»).

Иногда подобные признаки в рамках одного метаязыкового высказывания объединяются в комплексы, например, признак «национальность» нередко дополняется признаком «типичная территория проживания». Так, в следующей иллюстрации диалекты российских немцев описываются как «языки немцев, живущих в России» в противовес немецкому литературному языку, который трактуется как «язык тоже немцев, но живущих в Германии» (см. пример 8).

(8) *Mir plaudere Deitsch und die Deitsche in Deitschland plaudere och Deitsch. Awer unser Spraach is Spraach dr Deitsche us Russland. Und die lewe dahere, die spreche annerscht, die spreche литературный язык.*

Также в единый комплекс могут объединяться такие признаки пользователей языка, как уровень их образования и тип населенного пункта, в котором они проживают. С этой перспективы метаязыковой рефлексии

родные для информантов формы существования немецкого языка видятся им идиомами необразованного сельского населения, а немецкий литературный язык, напротив, языковым вариантом, распространенным среди горожан, которым свойствен высокий уровень образования (см. пример 9).

(9) *Mir sinn onfach Leid, mir lewe in Dorf, mir hen университеты не заканчивали, ich hen nur drei Klassa gelernt. Ich kann net uf Deitsch schreiwe! Unt mir plaudere onfach Deitsch. Awer in Deutschland, awer tie sinn kluch, die kenn schreiwe, die hen in der Schul gelernt, ja... und die sprech Schulspraach, die plaudere wie Ihr.*

Речевыми маркерами метаязыковых высказываний, в которых информанты посредством описания информируют собеседников о салиентных для них социальных границах бытования тех или иных языковых феноменов, выступают лексические единицы, семантически реферирующие к вышеобозначенным языковляемым свойствам людей. Среди данной лексики выделяются следующие группы:

– этнонимы: *der Deitsch* (рус. немец), *der Russ* (рус. русский), *татарин*, *остяк*, *хохол* и др.;

– словосочетания, выражающие уровень образования человека: *die Spraach vun Leid, die hen gelernt* (рус. язык людей, которые не учились); *die Spraach von Leid, die sinn in die Schul gange* (рус. язык людей, которые в школу не ходили) и др.;

– слова и словосочетания, обозначающие конфессионально-вероисповедную принадлежность человека: *die Spraach, wie die Menonite spreche* (рус. язык, как меннониты говорят); *die Spraach werd bei luterisch Laid gesprouche* (рус. язык, используемый у лютеран); *Deitsch von Katolike* (рус.: немецкий католик) и др.;

– слова и словосочетания, указывающие на сельский или городской образ жизни: *die Spraach von Leid aus Dorf* (рус. язык людей из деревни); *die Spraach von Dorfleid* (рус. язык сельских людей); *wie in Dorf werd gesprouche* (рус. как на селе говорят); *wie die sell in dr Stadt plaudere* (рус. как в городе говорят); *wie die Stadtleid verzähle* (рус. как городские говорят) и др.

Эксплицируемые информантами представления о диастратическом членении языкового континуума также демонстрируют нестабильность в содержательном плане. Так, в обозначенной перспективе различается рефлексия немцев, активно вовлеченных в религиозные формы дискурса, от рефлексии тех, кто находится на периферии этих форм социального взаимодействия: первые в отличие от вторых больше склонны выделять в немецком языке зоны, свойственные немцам, исповедующим католицизм, лютеранство или меннонитство; для вторых подобные дискурсивные границы практически не релевантны.

Некоторые члены лютеранских общин Томской области указывают, что следует разделять немецкий язык на «язык лютеран», «язык

католиков» и «язык меннонитов». Если, как известно, немцы-меннониты действительно вследствие замкнутости их культуры дифференцированы в языковом плане от немцев, представляющих другие христианские деноминации, то явственных языковых границ между лютеранами и католиками по результатам работ в названной области не обнаружено. Возможно, на данную языковую установку оказывает влияние опыт прошлого, когда группы российских немцев, исповедующие общую веру и говорящие на одном языке, проживали в Поволжье и Украине скученно.

Язык и ситуация. Применяемая в метаязыковых высказываниях тактика описания – это еще и способ моделирования типичных ситуаций бытования языковых вариантов или репрезентирующих их языковых явлений. Воссоздаваемый в метаязыковых высказываниях масштаб речеповеденческих ситуаций, в рамках которых тот или иной языковой феномен приобретает функциональную значимость, также показывает разный уровень протяженности, детализации и охвата. Как правило, он коррелирует с объективно существующими реалиями и отражает факты актуальной или имевшей место в прошлом языковой ситуации немцев Томской области.

Так, демонстрация отдельных сегментов диафазической плоскости языкового континуума затрагивает в первую очередь родные формы языка: информанты осознают факт низкой коммуникативной мощности немецких диалектов в современных условиях их бытования. Они описываются ими как языки, на которых в настоящее время говорят только дома, в кругу семьи, со знакомыми (см. примеры 10, 11). Образ немецкого литературного языка, напротив, воссоздается в ситуациях институционального общения: он интерпретируется как язык церкви, школы, официальных учреждений, средств массовой информации (см. пример 12).

(10) *Ich sprech mei Sprach nur zu Haas, ja, wo kenn ich spreche die noch?*

(11) *Bom die Tochter versteht mich, ich saach doch dere was uf Deitsch, a mak immer uf Ruschich.*

(12) *Literaturisch, видишь, die Leid in der Kerch plaudere so. Ну ich waas net, ну, vielleicht, in der Schul, in der Schul die Lehrer spreche Literaturisch.*

В текстах, затрагивающих актуальный этап языковой ситуации российских немцев, зоны бытования русского языка в диафазическом континууме языковой вариативности явственным способом не актуализируются. По всей видимости, таким образом проявляется осознание немецкими диалектоносителями неограниченной ситуативной протяженности русского языка. Однако, моделируя типичные случаи употребления немецких диалектов, говорящие часто указывают на факт попеременного использования кодов.

В фокусе метаязыковой рефлексии информантов оказываются особенности собственного речевого поведения, которые обеспечивают сосуществование родного языка и русского языка даже в ситуациях исключительно бытового общения (см. пример 13).

(13) *Und daham spreche mir Ruschich, mo Ruschich, mo Deitsch. Ja, mische mir alles. Enkelkindje kann net Deitsch, только русский!*

Лексическими маркерами описывающей тактики, направленной на воссоздание в текстах образов типичных коммуникативных ситуаций, выступают слова и словосочетания, которые сигнализируют собеседнику о доминантных признаках суггестируемого ситуативного контекста:

– слова, указывающие на ситуации институциональных форм общения: *in der Schul* (рус. в школе), *in der Arweit* (рус. на работе), *net zu Haus* (рус. не дома), *в институте и др.*;

– слова и словосочетания, указывающие на ситуации бытовых форм общения: *zu Haus* (рус. дома), *daham* (рус. дома), *in der Familie* (рус. в семье), *mit Eltern* (рус. с родителями), *mit unsere* (рус. с своими/с нашими), *zwische uns* (рус. между нами), *mit Freinde* (рус. с друзьями), *uf unser Straas* (рус. на нашей улице).

Концепируемый в результате метаязыковой деятельности диафазический континуум языковой вариативности также демонстрирует флуктуацию на уровне отдельных микрогрупп рассматриваемой социолемы.

Информанты, которые в силу тех или иных причин на данный момент практически лишены коммуникативных каналов использования родного языка, предельно «сужают» моделируемые ими ситуации актуализации диалектной компетенции. Другими словами, они говорят о том, что действительно наполняет их реальную коммуникативную среду. Например, они ограничиваются лишь описанием ситуативных контекстов, предполагающих экспликацию одобрения, похвалы, порицания, недовольства и прочих оценочно-экспрессивно направленных речевых действий, так как действительно используют диалекты только в рамках данных речевых действий.

Кроме того, перспектива взгляда на ситуативные зоны бытования немецкого языка определяется формами социальной активности диалектоносителей. Так, немцы, которые не посещают собрания лютеранских общин, ассоциируют данные мероприятия с ситуациями непосредственного использования немецкого литературного языка. Эта же аналогия не является столь значимой для регулярных участников данных собраний. Они указывают, что, собираясь вместе, немцы говорят на своем диалекте и русском языке, а немецкая литературная форма – это язык богослужения, который является лишь частью данных встреч.

Язык в письменном и устном видах общения. С помощью тактики описания в анализируемых метаязыковых высказываниях также

эксплицируются представления информантов о членении диамезического континуума языковой вариативности. Немецкие диалекты в подобных проявлениях МЯС стабильно приобретают статус языков, которые обеспечивают только устный модус общения. По выражению самих опрошенных немцев, «на диалектах только говорят». С этой перспективы метаязыковой рефлексии немецким диалектам наиболее последовательно противопоставляется литературная форма существования немецкого языка, которая закрепляется, соответственно, в письменном виде общения (см. примеры 14, 15).

(14) *Ihr sprecht sou, wie es in Bicher steht. Ich kann uf Deitsch net schreiwe, awer verzähle kann ich.*

(15) *Wie германцы verzähle, kenne mir net. Und lese kenne mir aach net. Unser Muder die hot das kenne* (нем. лит. können).

Обозначенная когнитивная установка по отношению к немецкому литературному языку широко экстраполируется и на отдельные явления его системы. Например, немецкоязычные слова, реализованные в речи собеседников информантов в соответствии с современными общепринятыми нормами, последовательно трактуются как «письменные» или «книжные» (см. пример 16).

(16) «Mutter», *wie Ihr sprecht, me* (нем. лит. man) *schreiwit mak, это как пишут в книгах.*

Закрепленная в МЯС аналогия, согласно которой «на диалектах говорят, а на литературном пишут», затрагивает и уровень текста. Любой немецкоязычный текст, зафиксированный на бумаге или на другом носителе, трактуется априори подавляющей частью информантов как текст, переданный средствами немецкого литературного языка. Ассоциация с письменной речью и соответственно с немецким литературным языком обнаруживается и по отношению к прецедентным текстам, которые бытуют в устном дискурсе, но демонстрируют яркую референцию к письменным первоисточникам. Опираясь на терминологию, предложенную В.А. Марьянчик в 2020 г., подобную трактовку прецедентных текстов можно обозначить стилистическим эффектом книжности. Так, приведенный ниже пример – это реакция информанта на цитату из Библии, произнесенную устно в ходе беседы. Реагируя на данный прецедентный текст, информант соотносит его с «языком молитвы», «языком Библии», противопоставляет его «языку, на котором говорят». Актуализируемый ассоциативный ряд вызван закрепленными в сознании российских немцев эффектом книжности подобных текстов и соотнесенности их с кодифицированной нормой национального языка (пример 17).

(17) *Des is Spraach fir Gebet. Die Spraach aus dr Biwel* (нем. лит. Bibel), *die sprech unser Laid net. Gebet und wie mir papple, des is net glaach!*

Описывающие речевые действия, которые эксплицируют обыденные представления о диафазическом типе языковой вариативности, маркируются:

– словами, реферирующими к устному виду общения: *plaudere* (рус. болтать, говорить), *spreche* (рус. говорить), *kreische* (рус. кричать, говорить), *paple* (рус. болтать, говорить, рассказывать), *sache* (рус. сказать), *verzähle* (рус. говорить, рассказывать, объяснять) и др.;

– словами, реферирующими к письменному виду общения: *schreibe* (рус. писать), *lese* (рус. читать) и др.

Хотя обнаруживаемые в метаязыковых высказываниях представления о дискурсивных зонах бытования устного и письменного видов языка демонстрируют достаточно высокий уровень стабильности, все же и здесь обнаруживаются отклонения от средних значений. Так, немцы, хорошо владеющие немецким литературным языком, в отличие от немцев с низкой компетенцией данного языкового варианта, менее склонны отождествлять текстопорождение и письменную речевую деятельность. Некоторые из них упоминают, что «писать можно и на диалекте, если буквы немецкие знаешь», указывая тем самым, что немецкая речь эпистолярного дискурса, бытующая в коммуникативной среде российских немцев, далеко не всегда соответствует литературным нормам.

Кроме того, для отдельных диалектоносителей с обозначенными социолингвистическими характеристиками оказывается салиентным факт существования диалектно окрашенной формы немецкого литературного языка. В частности, данная подсистема немецкого языка клишируется фразами, суть которых передается следующим образом: «на этом языке и не пишут, и не говорят» (см. пример 18).

(18) *So mir spreche die Gebete. Des is net fir plauder und... ja, mir schreibe onners.*

Язык и время. Еще одним свойством языковой действительности, которое демонстрирует салиентность для МЯС носителей немецких диалектов, оказывается факт изменения этой действительности с течением времени. С помощью описательной тактики информирующей стратегии в метаязыковых высказываниях раскрываются темпоральные свойства оязыковляемых объектов. Описание этих свойств, наряду с экспликацией признаков других упомянутых выше категорий, также реализует интенцию информантов по формированию у собеседника «реалистичного» образа тех языковых реалий, в которых они пребывают или пребывали.

С наибольшей частотностью темпоральному описанию подвергаются родные формы существования немецкого языка. На концепируемой в обыденном сознании диахронической плоскости языковой вариативности данные идиомы соотносятся со сферой устаревшего, потерявшего актуальность, теряющего жизнеспособность. Так, информанты

достаточно стабильно интерпретируют родные диалекты как «умирающие», а единицы, составляющие их лексико-семантические подсистемы, – как «старые» (см. пример 19). Примечательно то, что, обосновывая эти суггестивные образы, информанты апеллируют к самым разным аспектам, сопровождающим процесс языкового сдвига. Они указывают на факты падения демографической мощности, сокращения социальных сфер бытования, на распространенную практику переключения кода и даже на факты заимствования русскоязычной лексики (см. пример 20).

(19) *Ja, unser Werter sinn ald, arch ald. Ja, bald sterwe mir all aus und... Bom, kein wert unser Spraach kenne, vse, mir sterwe und wie mir verzähle sterwt.*

(20) *Wo kann ich Deitsch spreche? Iwerall werd Ruschich gesprouche. In magazin Ruschich, mit cocedka Ruschich, vom u seÿчас (смеется) verzähle Ruschich und Deitsch!*

В диахроническом континууме языковой вариативности зона распространения родных диалектов противопоставляется сфере бытования немецкого литературного языка. В описывающих метаязыковых высказываниях он предстает как современный язык, демонстрирующий высокую функциональную значимость, обладающий неограниченными витальными потенциями и способный к развитию в будущем. Образ будущего по отношению к родным формам существования немецкого языка, наоборот, практически не актуализируется (см. примеры 21, 22).

(21) *Emol (нем. лит. einmal) geht unser Spraach wech. Awer Literaturisch bleiwt. Ну конечно! Deitschland bleiwt und die Spraach der Germanze bleiwt! (смеется).*

(22) *Ja, mei Tochter kann die Bicherspraach, она может по-вашему, по-правильному. Awer wie kann die lewe in Deitschland ohne richdig Spraach? Die lewt da, die werd ne Arweit suche, und ohne richdig Spraach geht des net.*

Лексические единицы немецкого литературного языка часто обозначаются как «новые». При этом чем больше формальные расхождения между эквивалентными по значению словами в родном диалекте и в литературном языке, тем выше вероятность, что литературные лексические варианты будут интерпретированы названным образом. Это особенность МЯС информантов наиболее последовательно реализуется по отношению к лексике немецкого языка, которая вошла в общий словарный фонд после завершения исторической эпохи массового переселения немцев в Россию. Например, такие слова немецкого литературного языка, как *Fernseher*, *Auto*, *Flugzeug* и т.п., наиболее частотным образом обретают перцептуальный эффект новизны. Однако признак нового, современного и вместе с тем чуждого родному языку экстраполируется и на любые слова, не входящие в лексико-семантическую

подсистему этого языка. Например, не принятая в гессенских и пфальцских диалектах форма прощания *Tchüss* также соотносится с современным этапом развития немецкого языка и противопоставляется устоявшемуся, исконному варианту, бытующему в родных формах языка, – *Ade* (см. пример 23).

(23) «*Tschüss*» – это не по-нашему, *des is nei, nei Deitsch! Mir sa-che* «*Atej*», *des is richdig, mir plaudere so*.

Метаязыковые высказывания, в которых реализуется тактика описания по отношению к языковым объектам с выдвиганием на передний план содержания текста темпоральных значений, маркируются следующими лексическими единицами:

– словами и словосочетаниями, создающими образ старого, умирающего, исчезающего и т.п.: *ald Deitsch* (рус. старый немецкий), *sterwe* (рус. умирать), *geht wech* (рус. уходить прочь); *verschwinde* (рус. исчезать), *net nei* (рус. не новый) и др.;

– словами и словосочетаниями, создающими образ нового, актуального, жизнеспособного: *nei* (рус. новый), *Spraach von heite* (рус. язык сегодняшнего дня), *современный Deitsch* (рус. современный немецкий) и др.

Ассоциативная связь «немецкие диалекты – старые, а немецкий литературный язык – новый, современный» имеет низкую амплитуду вариативности даже в случае соотношения этой связи с индивидуальными социолингвистическими параметрами информантов. Вместе с тем в целом выявляется, что наиболее последовательно данную особенность МЯС демонстрируют немцы с низкой компетенцией высоко-го регистра немецкого языка, чем те, кто хорошо владеет этой языковой стратой и регулярно прибегает к использованию ее средств. По всей видимости, малознакомые языковые явления воспринимаются в большей степени, чем уже знакомые, как новые, пришлые.

Заключение

Анализ метаязыкового дискурса российских немцев показал, что представления о языке обретают в диалектной речи разную форму выраженности. К речевым конструктам, позволяющим наблюдать акты метаязыковой рефлексии явного порядка, относятся *метаязыковые высказывания*, или *метаязыковые комментарии*. Это тексты импровизированной природы, мотивируемые преимущественно внешними стимулами (вопросами собеседника), наиболее эксплицитно выражают мировоззренческие установки рефлексирующих субъектов.

Коммуникативно-прагматический потенциал определенной части метаязыковых высказываний реализуется посредством информирующей стратегии. В рамках конкретных метаязыковых высказываний ин-

формирующая стратегия не обнаруживается в «чистом виде», она выражается с определенной степенью интенсивности. Правильнее говорить о преобладании в том или ином высказывании о языке признаков информирующего коммуникативного поведения.

В метаязыковых высказываниях информирующего типа наиболее регулярным образом используется коммуникативная тактика описания. Описание языковых феноменов, разворачивающееся в анализируемых высказываниях о языке, принимает разный уровень детализации. Обычно данная тактика представляет собой упоминания 1–2 фактов, характеризующих объект обсуждения. В редких случаях метаязыковые информирующие описания принимают более развернутую форму.

Рефлексия, выраженная посредством информирования, распространяется как на языковые образования в целом, так и на отдельные репрезентирующие их явления – слова и тексты. Обыденное описание языков, слов, текстов осуществляется через констатацию границ функционирования данных объектов рефлексии. Воссоздавая в метаязыковых высказываниях образы функциональных границ языковых явлений, немецкие диалектоносители затрагивают категории, в соответствии с которыми в лингвистике устанавливается вариативность языка, а именно пространство (диатопическая вариативность), социум (диастратическая вариативность), время (диахроническая вариативность), устный и письменные виды общения (диамезическая вариативность), ситуация (диафазическая вариативность).

Представляется, что дальнейший анализ диалектной речи российских немцев в перспективе прагматической теории языка позволит расширить типологию метаязыкового народно-разговорного дискурса, установить прочие типовые семантические и формальные структуры экспликации обыденного МЯС, обнаружить другие фрагменты диалектной картины языковой действительности.

Список источников

1. *Александров О.А.* Актуальное состояние традиционной лингвокультуры немцев Томской области // *Язык и культура*. 2020. № 52. С. 6–18.
2. *Москалюк Л.И.* Особенности развития лексико-семантической системы немецких говоров на Алтае // *Сибирский филологический журнал*. Новосибирск : Ин-т филологии СО РАН, 2018. № 2. С. 196–207.
3. *Berend N.* Russlanddeutsches Dialektbuch. Die Herkunft, Entstehung und Vielfalt einer ehemals blühenden Sprachlandschaft weit außerhalb des geschlossenen deutschen Sprachgebiets. Halle : Cornелиus, 2011. 229 S.
4. *Кулаковская К.В., Богословская З.М.* Языковая выраженность концепта «Heimat» в немецких островных говорах Сибири. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2014. 175 с.
5. *Меркурьева В.Б.* Номинация понятия «Heimat» российскими немцами // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию) : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 24–27 августа 2012 г.) / под ред. А.А. Германа. М. : МСНК-пресс, 2013. С. 563–575.

6. **Москалюк Л.И., Москалюк О.С.** Структурно-семантические особенности фразеологизмов с компонентами *Gott* и *Teufel* в текстовом корпусе российско-немецких диалектов // *Культура и текст*. 2020. № 4 (43). С. 251–262.
7. **Москвица Т.Н.** Лексическая и семантическая вариативность диалектной лексики: темпоральный компонент диалектной картины мира // *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 6 (73). С. 662–665.
8. **Богословская З.М., Щеголихина Ю.В.** Семья российских немцев и их имена : лингвокультурологический аспект. Томск : Том. политехн. ун-т, 2017. 168 с.
9. **Либерт Е.А.** Wot wi ete : отражение истории меннонитов в кулинарной лексике // *Языки и фольклор коренных народов*. 2017. № 3 (34). С. 57–63.
10. **Костомаров П.И., Косенчук А.В.** Гипержанр в речи представителя российских немцев Сибири // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2016. № 2. С. 182–186.
11. **Москалюк Л.И., Москвина Т.Н., Трубавина Н.В.** Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований. Барнаул : Алт. гос. пед. акад., 2014. 198 с.
12. **Asfandiarova D.** Sprechen Frauen altertümlicher? Eine geschlechtskonfrontierende Darstellung des Mundartgebrauchs in der deutschen Sprachinsel Prischib / Aleksejevka (Baschkortostan) // *Bausteine zu einer Geschichte des weiblichen Sprachgebrauchs 4. Fragestellungen – Methoden – Studien. Internationale Fachtagung (Potsdam 12–15 September 1999)*. Stuttgart : Heinz, 2000. S. 161–174.
13. **Александров О.А., Богословская З.М.** Немецкий «островной» говор Томской области. Томск : Том. политехн. ун-т, 2008. 182 с.
14. **Löffler H.** Zu den Wurzeln der Perceptual Dialectology in der traditionellen Dialektologie. Eine Spurensuche // Anders C.A., Hundt M., Lasch A. *Perceptual Dialectology. Neue Wege der Dialektologie*. Berlin : de Gruyter, 2010. S. 31–49.
15. **Anders C.A.** Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. Berlin : de Gruyter, 2010. 466 S.
16. **Cuonz C.** Sprachliche Werturteile von Laien. Eine sozio-kognitive Analyse. (Basler Studien zur deutschen Sprache und Literatur 93). Tübingen : Francke, 2014. 525 S.
17. **Hundt M., Palliwoda N., Schröder S.** Der deutsche Sprachraum aus der Sicht linguistischer Laien. Ergebnisse des Kieler DFG-Projektes. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2017. 269 S.
18. **Scharloth C.** Regionales Sprechen und Identität. Eine Studie zum Sprachgebrauch, zu Spracheinstellungen und Identitätskonstruktionen von Frauen in Schleswig-Holstein und Mecklenburg-Vorpommern (*Deutsche Dialektgeographie*, Bd.120). Hildesheim : Olms, 2015. 373 S.
19. **Радченко О.А., Закуткина Н.А.** Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // *Вопросы языкознания*, 2004. № 6. С. 25–48.
20. **Сенина И.В., Меркурьева В.Б.** Лингвистическая терминология в контексте становления и развития диалектологии немецкого языка. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2020. 159 с.
21. **Ростова А.Н.** Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск : Том. гос. ун-т, 2000. 193 с.
22. **Ростова А.Н.** Обыденная семантизация слов // *Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты* / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово ; Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2009. Ч. 1. С. 181–201.
23. **Блинова О.И.** Лексикографический способ исследования метаязыкового сознания // *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты* / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово : Кем. гос. ун-т, 2012. Ч. 4. С. 165–174.
24. **Крючкова О.Ю.** Шкала осознания речи как показатель динамических процессов в диалектной коммуникации и сознании диалектоносителей // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2020. Вып. 3. С. 96–103.

25. **Бондаренко Е.Д.** Наивная лингвистика диалектоносителей : этносоциолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 26 с.
26. **Burdick С.М.** Das Beobachterparadoxon in der Feldarbeit: eine linguistische Perspektive. Saarbrücken : Müller, 2008. 75 S.
27. **Шмелев А.Д.** Осознанное и неосознанное в наивной лингвистике // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Томск : Том. гос. пед. ун-т, 2009. Ч. 2. С. 61–66.
28. **Голев Н.Д.** Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам лингвогносеологом) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2009. Ч. 1. С. 7–40.
29. **Черняков А.Н.** Наивная лингвистика и поэтическая филология // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Томск : Том. гос. пед. ун-т, 2009. Ч. 2. С. 10–16.
30. **Якобсон Р.О.** О лингвистических аспектах перевода // Вопросы перевода в теории зарубежной лингвистики: сб. ст. / ред. В.Н. Комиссаров. М. : Междунар. отношения, 1978. С. 16–24.
31. **Сковородников А.П.** Коммуникативные стратегии и тактики // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справ. / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск : Сиб. федерал. ун-т, 2012. 882 с.

References

1. Alexandrov O.A. (2020) Aktual'noe sostoyanie tradicionnoj lingvokul'tury nemcev Tomskoj oblasti [Current state of traditional linguoculture of the Germans of Tomsk region] // *Jazyk i Kul'tura*. 52. pp. 6–18.
2. Moskalyuk L.I. (2018) Osobennosti razvitiya leksiko-semanticheskoy sistemy nemeckih govorov na Altae [Features of the development of the lexical-semantic system of German dialects in Altai] // *Siberian Philological Journal*. Novosibirsk : In-t filologii SO RAN. 2. pp. 196–207.
3. Berend N. (2011) *Russlanddeutsches Dialektbuch. Die Herkunft, Entstehung und Vielfalt einer ehemals blühenden Sprachlandschaft weit außerhalb des geschlossenen deutschen Sprachgebiets*. Halle : Cornelius. 229 p.
4. Kulakovskaya K.V., Bogoslovskaya Z.M. (2014) Yazykovaya vyrazhennost' koncepta "Heimat" v nemeckih ostrovnyh govorah Sibiri [Linguistic Expression of the Concept "Heimat" in the German Insular Dialects of Siberia]. Tomsk : Izd-vo Tom. politekhn. unta. 175 p.
5. Merkur'eva V.B. (2013) Nominaciya ponyatiya "Heimat" rossijskimi nemcami [Nomination of the concept of "Heimat" by Russian Germans] // *Dva s polovinoj veka s Rossiej (k 250-letiyu nachala massovogo pereseleniya nemcev v Rossiju): mat-ly 4-j mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 24–27 avgusta 2012 g.) / pod red. A. A. Germana; Saratov. gos. un-t. Moskva : MSNK-press. pp. 563–575.*
6. Moskalyuk L.I., Moskalyuk O.S. (2020) Strukturno-semanticheskie osobennosti frazeologizmov s komponentami Gott i Teufel v tekstovom korpusе rossijsko-nemeckih dialektov [Structural and semantic features of phraseological units with Gott and Teufel components in the text corpus of Russian-German dialects] // *Kul'tura i tekst*. Barnaul : Alt. gos. ped. un-t. 4 (43). pp. 251–262.
7. Moskvina T.N. (2018) Leksicheskaya i semanticheskaya variativnost' dialektnoj leksiki: temporal'nyj komponent dialektnoj kartiny mira [Lexical and semantic variability of dialect vocabulary: a temporal component of the dialect picture of the world] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. Gorno-Altajsk: MNKO. 6 (73). pp. 662–665.

8. Bogoslovskaya Z.M., Shchegolihina Yu.V. (2017) Sem'ya rossijskich nemcev i ih imena : lingvokulturologičeskij aspekt [The family of Russian Germans and their names: linguistic and cultural aspect]. Tomsk : Tom. politekh. un-t. 168 p.
9. Libert E.A. (2017) Wot wi ete : otrazhenie istorii mennonitov v kulinarnoj leksike [Wot wi ete: reflection of Mennonite history in culinary vocabulary] // Yazyki i fol'klor korennyh narodov Sibiri. Novosibirsk : In-t filologii SO RAN. 3 (34). pp. 57–63.
10. Kostomarov P.I., Kosenchuk A.V. (2016) Giperzhanr v rechi predstavatelya rossijskich nemcev Sibiri [Hypergenre in the speech of the representative of the Russian Germans of Siberia] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2. pp. 182–186.
11. Moskalyuk L.I., Moskvina T.N., Trubavina N.V. (2014) Tekstovyj korpus ostrovnyh nemeckih govorov Altajskogo kraja: osnovnye napravleniya i rezul'taty issledovanij [The text corpus of the island German dialects of the Altai Territory: main directions and research results]. – Barnaul : Alt. gos. ped. akad. 198 p.
12. Asfandiarova D. (2000) Sprechen Frauen altertümlicher? Eine geschlechtskonfrontierende Darstellung des Mundartgebrauchs in der deutschen Sprachinsel Prischib / Aleksejevka (Baschkortostan) // Bausteine zu einer Geschichte des weiblichen Sprachgebrauchs 4. Fragestellungen – Methoden – Studien. Internationale Fachtagung (Potsdam 12–15 September 1999). Stuttgart : Heinz. pp. 161–174.
13. Aleksandrov O.A., Bogoslovskaya Z.M. (2008) Nemeckij “ostrovnoj” govor Tomskoj oblasti [The German "island" dialect of Tomsk oblast']. Tomsk : Tom. politekh. un-t. 182 p.
14. Löffler H. (2010) Zu den Wurzeln der Perceptual Dialectology in der traditionellen Dialektologie. Eine Spurensuche // Anders C. A., Hundt M., Lasch A. Perceptual Dialectology. Neue Wege der Dialektologie. Berlin : de Gruyter. pp. 31–49.
15. Anders C.A. (2010) Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. Berlin : de Gruyter. 466 p.
16. Cuonz C. (2014) Sprachliche Werturteile von Laien. Eine sozio-kognitive Analyse. (Basler Studien zur deutschen Sprache und Literatur 93). Tübingen : Francke. 525 p.
17. Hundt M., Palliwoda N., Schröder S. (2017) Der deutsche Sprachraum aus der Sicht linguistischer Laien. Ergebnisse des Kieler DFG-Projektes. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton. 269 p.
18. Scharioth C. (2015) Regionales Sprechen und Identität. Eine Studie zum Sprachgebrauch, zu Spracheinstellungen und Identitätskonstruktionen von Frauen in Schleswig-Holstein und Mecklenburg-Vorpommern (Deutsche Dialektgeographie, Bd.120). Hildesheim : Olms. 373 p.
19. Radchenko O.A., Zakutkina N.A. (2004) Dialektnaya kartina mira kak idioetnicheskij fenomen [Dialectal picture of the world as an idio-ethnic phenomenon] // Voprosy yazykoznanija. 6. pp. 25–48.
20. Senina I.V., Merkur'eva V.B. (2020) Lingvisticheskaya terminologiya v kontekste stanovleniya i razvitiya dialektologii nemeckogo yazyka [Linguistic terminology in the context of the formation and development of the dialectology of the German language]. Irkutsk : Irkut. gos. un-t. 159 p.
21. Rostova A.N. (2000) Metatekst kak forma eksplikacii metazykovogo soznaniya (na materiale russkih govorov Sibiri) [Metatext as a form of explication of metalanguage consciousness (based on Russian dialects of Siberia)]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta. 193 p.
22. Rostova A.N. (2009) Obyden'naya semantizaciya slov [Everyday semantics of words] // Obydennoe metazykovoe soznanie : ontologičeskie i gnoseologičeskie aspekty. Ch. 1 / otv. red. N.D. Golev. Kemerovo; Barnaul : Alt. gos. un-t. pp. 181–201.
23. Blinova O.I. (2012) Leksikografičeskij sposob issledovaniya metazykovogo soznaniya [Lexicographic method of metalanguage consciousness research] // Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologičeskie i gnoseologičeskie aspekty. Ch. 4 / otv. red. N.D. Golev; Alt. gos. un-t. Kemerovo: Kem. gos. un-t. pp. 165–174.

24. Kryuchkova O.Yu. (2020) Shkala osoznaniya rechi kak pokazatel' dinamicheskikh processov v dialektnoj kommunikacii i soznanii dialekonositelej [The scale of speech awareness as an indicator of dynamic processes in dialect communication and the consciousness of dialect speakers] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 3. pp. 96–103.
25. Bondarenko E.D. (2016) Naivnaya lingvistika dialekonositelej : etnosociolingvisticheskiy aspekt [Naive linguistics of dialect speakers : ethnosociolinguistic aspect]. Abstract of Philology cand. dis. Ekaterinburg. 26 p.
26. Burdick C.M. (2008) Das Beobachterparadoxon in der Feldarbeit: eine linguistische Perspektive. Saarbrücken : Müller. 75 p.
27. Shmelyov A.D. (2009) Osoznannoe i neosoznannoe v naivnoj lingvistike [Conscious and unconscious in naive linguistics] // Obydennoe metazykovoe soznanie : ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty / otv. red. N.D. Golev. Tomsk : Tom. gos. ped. un-t. Ch. 2. pp. 61–66.
28. Golev N.D. (2009) Obydennoe metazykovoe soznanie kak ontologicheskij i gnoseologicheskij fenomen (k poiskam lingvognoseologem) [Everyday metalanguage consciousness as an ontological and epistemological phenomenon (to search for linguognoseologems)] // Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty / otv. red. N.D. Golev. Barnaul : Alt. gos. un-t. Ch. 1. pp. 7–40.
29. Chernyakov A.N. (2009) Naivnaya lingvistika i poeticheskaya filologiya [Naive linguistics and poetic philology] // Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty / otv. red. N.D. Golev. Tomsk : Tom. gos. ped. un-t. Ch. 2. pp. 10–16.
30. Jakobson R.O. (1978) O lingvisticheskikh aspektah perevoda [About linguistic aspects of translation] // Voprosy perevoda v teorii zarubezhnoj lingvistiki: sb. st. / red. V.N. Komissarov. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 16–24.
31. Skovorodnikov A.P. (2012) Kommunikativnye strategii i taktiki [Communication strategies and tactics] // Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii): slovar'-spravochnik [Effective speech communication (basic competencies): dictionary-reference]. Krasnoyarsk : Sib. federal'nyj un-t. 882 p.

Информация об авторе:

Александров О.А. – кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050). E-mail: olegaleksandrov79@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Aleksandrov O.A. – Ph.D. (Philology), senior lecturer, National Research Tomsk State University (Lenin Ave., 36, Tomsk, Russia, 634050). E-mail: olegaleksandrov79@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 13.01.2022; принята к публикации 07.02.2022

Received 13.01.2022; accepted for publication 07.02.2022